

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-92

DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-1-5-17

А.П. СУМАРОКОВ – ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА «ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА»: ФАКТЫ И МИФЫ (К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)

Т.Е. Абрамзон, А.В. Петров

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
455000 Россия, г. Магнитогорск, Челябинская область, пр. Ленина, 26

E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Аннотация

В статье подвергаются деконструкции научные мифы, сложившиеся вокруг журнала А.П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела». Утверждается, что на формирование мифа о «первом русском частном журнале» повлияли национальный литературный канон и вульгарно-социологическое понимание литературного процесса. Доказывается положение о том, что литературное и сатирико-нравоучительное «направление» журнала есть «проекция» интересов и характера его издателя, а не результат некой «стратегии». Подвергается критике как не имеющее фактической опоры мнение о популярности у читающей публики журналов 2-й половины 1750-х гг. Выдвигается и обосновывается тезис о том, что к изданию журнала Сумарокова сподвигла не забота о пользе народной, а желание быть материально и творчески независимым автором. Эти планы не были реализованы ввиду неумения Сумарокова коммуницировать и отсутствия у него продуманной издательской и редакторской стратегии. «Трудолюбивая Пчела» рассматривается не как предтеча сатирических журналов 1760–1790-х гг., но, вкуче с ее конкурентами – академическим и «кадетским» журналами, как предшественница альманахов 1780–1790-х гг. – изданий, авторы которых сделали выбор в пользу легкого развлекательного чтения.

Ключевые слова: А.П. Сумароков; журнал «Трудолюбивая Пчела»; научный миф; русская журналистика и литература XVIII века; деконструкция.

Введение

За почти 250 лет изучения творчества А.П. Сумарокова его журналу «Трудолюбивая Пчела» (далее – *ТП*), выходявшему с января по декабрь 1759 г., было уделено не так уж много внимания со стороны научной общественности. Сумароков-поэт и в особенности Сумароков-драматург заслонили собой Сумарокова – издателя и журналиста. Вплоть до середины XIX в. *ТП* в лучшем случае просто упоминалась среди других его литературных проектов. Типична в этом смысле статья о нём в новиковском «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772): «Трудолюбивая пчела, ежемесячное 1759 года сочинение, издано им, и большею частию наполнено его стихотворными и прозаическими сочинениями <...>» [Новиков, 1772: 208]. Возможно, что Н.И. Новиков просто не нашёл западных аналогов этому детищу Сумарокова, ведь имена русского Расина, Вергилия, Федра и Лафонтена он с восторгом писателю даровал.

Филологи середины XIX в. склонны были выводить творчество Сумарокова, в том числе журналистскую деятельность, из его характера, темперамента, социального положения и «исторического момента» [Булич, 1854: 32].

Исследователи последней трети XIX – начала XX в. предпочитали собирать фактический материал и ограничивались краткими указаниями на роль и значение *ТП* в истории русской журналистики, литературы, критики и общественной мысли [Полевой, 1903: 26].

Советские ученые насколько это возможно политизировали как литературный процесс в целом, так и частные литературные проекты, каким была *ТП*. Сумарокова они видели в оппозиции к правящим монархиям, критиком недостатков крепостнического строя, идеологом просвещенного дворянства и врагом «демократа» Ломоносова. Именно в середине XX в. были созданы главные научные мифы о сумароковском журнале, которые прочно вошли в практику преподавания истории русской журналистики и литературы XVIII в.

Современные исследователи *ТП* продолжают созидать концепции, опираясь теперь уже на постмодернистские стратегии «текстуальности», в особенности на теории дискурса и метатекста. Не забыты и семиотические идеи, в частности «семиотика поведения» [Живов, 2002: 13].

В нашей недавней работе мы постарались синтезировать указанные подходы, избегая крайностей, свойственных каждому из них, и предложили посмотреть на журнал Сумарокова (на материале июньского номера) как на «дневник писателя», точнее, его праформу [Абрамзон, 2006: 4].

В предлежащей статье мы хотели бы остановиться на нескольких устоявшихся мифах о *ТП* и её издателе, противопоставив им факты.

Методы исследования

Основными методами нашего исследования являются исторический, социологический, дескриптивный, сравнительный и метод деконструкции. В целом они позволяют проследить, как мифы создаются и утверждаются в общественном сознании. Немаловажной для понимания принципов научного мифотворчества является их прямая связь с приёмами мифотворчества художественного, исследованного в нашей монографии 2006 г. [Абрамзон, 2015: 51].

Основная часть

1. Заложник литературного канона и вульгарного социологизма

Наиболее известным мифом о *ТП* является мнение о том, что это *первый русский частный журнал*. Это не совсем так, ибо в данной формуле не хватает слова *ежемесячный* (журнал). В 1935 г. Д.Д. Шамрай, основываясь на архивных материалах, выяснил, что Сумароков подал в канцелярию Императорской Академии Наук «Доношение» об издании *ТП* 14 декабря 1758 г., тогда как месяцем раньше, 18 ноября 1758 г., ходатайство об издании «ежемесячных сочинений» на имя главного директора Сухопутного шляхетного кадетского корпуса князя Бориса Григорьевича Юсупова подписал от лица «сочинителей» директор корпуса бригадир Алексей Петрович Мельгунов. Таким образом, частные лица – преподаватели, бывшие кадеты и близкие к корпусу персоны – впервые в России получили право издавать журнал, названный «Праздное время в пользу употребленное» (далее – *ПВ*), за свой счет, рассчитывая, помимо прочего, получить материальную выгоду («<...> казна будет от того <...> прибыль иметь» [Шамрай, 1935: 378]). Первый 16-страничный «листок» кадетского *еженедельника* вышел 2 января 1759 г., а первая «книжка» *ТП* – в конце этого же месяца (точная дата не установлена).

И однако известный некогда советский ученый уверенно пишет в серьезном вроде бы издании Кембриджского университета: «Following Sumarokov's example, in 1760 a

group of teachers at the Cadet School began issuing a literary and didactic journal entitled *Spare Time Put to Use (Prazdnoe vremya v polzu upotreblennoe)*» [39, p. 68]. В основополагающих пособиях советского времени по истории русской журналистики *ТП* рассматривалась в нарушение «абсолютной хронологии» раньше, чем *ПВ*, и общественное и литературное значение ее считалось почему-то более высоким [Западов, 1953: 32]. Современные авторы вообще забывают о журнале конкурентов Сумарокова [Гуськов, 2013: 592] и предлагают обществу научный миф, сотканный из штампов полувековой давности. Примечательно, что в постсоветской России возрождается устарелый, восходящий к Г.А. Гуковскому миф о Сумарокове-либерале: теперь *ТП*, некогда «орган независимого дворянского общественного мнения» [Гуковский, 1941: 126], именуется «умеренно-либеральным» и «первым независимым изданием» в России [Бендерский, 2006: 12].

Чему же служат все эти *анахронизмы*, результат иногда прямых подтасовок, иногда – исследовательской лени, а в целом – «краеугольный мифологический прием» [Песков, 2005: 9]? Ведь даже тираж *ТП* на самом деле был 800 экземпляров, о чем свидетельствуют документы [Шамрай, 1935: 401]. Тиражом же в 1200 экземпляров вышло второе ее издание, 1780 года. Для нас очевидно, что здесь, во-первых, срабатывает известная «логика» восприятия писателя, вошедшего в национальный литературный канон: он – первый во всём, он – заложил традицию, он – самый читаемый и т. п. Во-вторых, в нашей гуманитаристике до сих пор не изжит пиетет по отношению к «борцам» с самодержавием, к «критикам» власти и «оппозиционерам». Парадокс, но то, что Сумарокову ставится в заслугу: воспитание и просвещение дворянского класса, при некоторой смене исследовательского фокуса, или использовании *тавтологии* – другого мифологического приема [Песков, 2005: 8], становится у тех же авторов *ПВ* «крепостнической точкой зрения», «специфически дворянской позицией его участников и их руководителей» [Берков, 1952: 126]. Интересно, что за «руководители» имеются в виду, если «участники» «независимого» журнала и были его издателями?

2. Новаторы и последователи

Так что же все-таки Сумароков как издатель либо как автор *ТП* придумал нового, такого, что делает его журнал, по всеобщему убеждению, более значимым в истории русского журнализма, литературы, общественной мысли и т. д., чем *ПВ* и «Ежемесячные сочинения для пользы и увеселения служащие» (далее – *ЕС*)?

Сначала обратим внимание на существование двух полярных позиций (двух вариантов мифа) по вопросу о «качестве» и направленности *ПВ* в первый и второй годы его существования и о роли Сумарокова в нём в 1760 г.

Предсказуемо, что в русском научном каноне возобладала просумароковская позиция, которую можно найти еще у А.Н. Неустроева, считавшего, что с появлением Сумарокова журнал *ПВ* «стал разнообразнее» [Неустроев, 1874: 71]. В более категоричных формулировках ему вторят П.Н. Берков: «Если не считать вклада Сумарокова, печатавшегося в 1760 г. в «Праздном времени», то журнал этот более чем бесцветен» [Берков, 1952: 125]; А.В. Западов: «Лишь с марта 1760 года, когда в журнале начинает выступать Сумароков, довольно унылый и нравоучительный колорит издания оживляется» [Западов, 1953: 35; современные исследователи [Бендерский, 2006: 13].

Кажется, только Д.Д. Шамрай говорил о широте интересов кадетского журнала в 1759 г. и об обмельчании их в 1760 г., об утрате «принципиальности» и об «отливе лучших сил» из-за резко усилившегося «антинемецкого» направления с приходом Сумарокова [Шамрай, 1935: 385]. Он же не видел принципиальной разницы в материалах, публикуемых *ТП* и *ПВ*: и там, и там морализаторство и «националистическое настроение» [Шамрай, 1935: 380]. Действительно, достаточно посмотреть на роспись содержания

обоих журналов [Неустроев, 1874: 72], чтобы убедиться, что в обоих случаях ближе к истине был все-таки Д. Д. Шамрай.

Важно отметить также, что авторский коллектив *ПВ* (П. Свистунов, С. Порошин, Е. Харламов, С. Перфильев, С. Савицкий, С. Решетов, Н. Титов, А. Семичев и др.) намеревался издавать в 1761 г. альманах «Собрание разных сочинений и переводов из наилучших писателей на 1761 год». Ядро его должны были составить переводы французских романов, биографий аристократов, комедий из популярной «Bibliothèque de Campagne, ou Amusemens de l'esprit et du coeur» («Сельская библиотека, или Развлечения для ума и сердца»). Имея перед глазами неудачный опыт собственного еженедельника и сумароковского ежемесячника, переводчики решили сделать ставку на иной тип издания и на литературу развлекательную, «массовую». Сумароков, как известно, выступил против подобного бесполезного и вредного чтения в статье «О чтении романов» и... стратегически проиграл. Участники *ПВ* хотя и не издали свой альманах, но благополучно выпустили свои переводы в ближайшие годы [Шамрай, 1935: 380]. Всё это означает, что их поиски в журналистской, книгоиздательской и переводческой сферах были интенсивнее, разнообразнее и успешнее, нежели у Сумарокова.

А теперь следует вспомнить, что к 1759 г. будущий издатель *ТП* уже четыре года как активно участвовал в академическом журнале *ЕС*. Редакторский опыт Г. Ф. Миллера, составлявший к тому моменту 30 лет, и был использован Сумароковым в его новом предприятии. «В подражание журналу Миллера <...>», – так Н. Булич комментирует начало издания *ТП* [Булич, 1854: 204]. Сумароков заимствует, во-первых, структуру *ЕС* (отсутствие поименованных рубрик, нумерация публикаций римскими цифрами, помещение больших статей на первые места, свободное чередование прозы и стихов, оригинальных и переводных статей) [Неустроев, 1874: 59]; во-вторых, общий подход к отбору жанров и переводимых авторов; в-третьих, сам принцип совмещения «пользы» и «увеселения».

Очевидны и различия:

1) Естественно, что в *ТП* нет статей по «натуральной истории», экономике, статистике, поскольку соответствующими «академическими» знаниями ни Сумароков, ни его сотрудники не обладали.

2) В отличие от *ЕС*, в *ТП* не было полемик и присутствия на ее страницах разных мнений. Сумароков был авторитарным редактором: он мог, например, позволить себе критику Ломоносова [Скабичевский, 1892: 29], но места для ответов оппоненту явно не собирался предоставлять.

3) *ТП* имеет выраженную литературную направленность; доминируют в ней произведения лирических и сатирических жанров, в основном написанные самим Сумароковым. Таким же материалом он наполнял *ЕС* в 1755–1758 гг. (98 стихотворений и 11 переводов). А поскольку в текущем году поэт в академическом журнале не печатался, то и продвигал свою стихотворную продукцию в *ТП*.

Обратим внимание, что лирика и сатира Сумарокова в равной степени имеют личный и даже «дневниковый» характер, отражая, как мы предположили, перипетии его судьбы, а также темперамент и интересы [Абрамзон, 2006: 131]. Так, летние номера журнала начинаются с «раздела» «Молитвы и Псалмы». Должно полагать, что летом 1759 года поэт как-то особенно сильно и остро почувствовал необходимость в Божьей помощи, ибо ощутил себя окружённым бедами и врагами «со всех сторон».

Итак, литературное, сатирико-нравоучительное «направление» *ТП* есть результат не какой-либо «стратегии», например, фантастического намерения «распространить литературное влияние на всю читающую Россию» [Стоюнин, 1865: 93], а единственно возможный, «сам собою» сложившийся «формат» для журнала, издателем и главным

автором которого был поэт, сатирик, критик и при этом очень неуравновешенный человек с огромным самомнением.

3. «Предпринимательские стратегии» А.П. Сумарокова

Если каких-то продуманных редакторских находок в журнале нет, то, возможно, Сумарокову и его проекту сопутствовали коммерческий успех и, следовательно, популярность у читающей публики? И здесь мы тоже должны ответить отрицательно. Издатель *ТП* остался должен академической типографии 259 руб. 48 коп. плюсом к своему долгу в 382 руб. 63 коп., тянувшегося с 1748 года, за прежде напечатанные трагедии и эпистолы [Неустроев, 1874: 78]. Из-за неоплаты типография была вынуждена задержать декабрьский выпуск уже отпечатанного тиража *ТП*. При этом журнал *ПВ* принес хоть и небольшую, но прибыль типографии корпуса: 193 руб. 34 коп. в 1759 г. и 187 руб. 24¼ коп. в 1760 г. [Шамрай, 1935: 379].

По сравнению с издательским коллективным *ПВ* у Сумарокова были и менее выгодные условия продажи, поскольку он лишал подписчиков выбора (на белой бумаге – издание дороже, на серой – дешевле) и ограничивал желающих купить журнал необходимостью полной предоплаты, невозможностью покупать книжки *ТП* помесечно и достойным любого «подьячего» формализмом.

Вот условия Сумарокова: «<...> цена в год сего журнала по два рубли с полтиною. Все книжки на равной чистой бумаге. <...> Инако продаваны не будут, как тем которых подпишутся, на весь год, заплатив деньги. <...> Кто похочет оныя книжки брать; так потребно при отдаче денег годовой платы взять у книгопродавца билет, в котором означено будет имя подписавшагося и число, сколько оный брать станет; а присланной за книжкой должен каждой месяц оный билет книгопродавцу показать. А кто потребует того, чтобы сии книжки были к ним приношены на дом, так потребно за год заплаты по три рубли» [Неустроев, 1874: 79].

Цена *ПВ* была «за весь год с присылкою за оным из домов на белой бумаге по два рубли с полтиною, а на серой по два рубли». Кроме того, в типографии продавались переплетенные книжки: за месяц по цене соответственно 20 и 17 коп., за неделю – по 5 и 4 коп. [Неустроев, 1874: 72].

Такой же была годовая цена *ЕС* – 2 рубля [Пекарский, 1867: 79].

Не лишним будет вспомнить, каковы были источники финансирования журнала, издаваемого, по словам Б.И. Есина, «на правах частного предпринимательства» [Есин, 2006: 11]. Если Сумароков остался должен типографии, то либо подписчиков у *ТП* было немного, либо ее издатель не сумел распорядиться доходами. Следовательно, печатать журнал он мог только на свое бригадирское жалованье (1099 руб. в год) и доплату за «установление театра» (1000/1200 руб. в год), т. е. на деньги Ее Величества. Стоила же *ТП* Сумарокову 800 руб. 36 коп. за год, не считая дополнительной платы типографским наборщикам, работавшим в неурочное время.

Но, может быть, *ТП* пользовалась большим успехом у читателей, чем *ЕС* и *ПВ*? Оставим в стороне 1) «саморекламу», например издателей *ПВ* («<...> многие любители наук печатаемой в типографии шляхетнаго Кадетскаго Корпуса недельной журнал берут охотно <...>», 21 авг. 1759 г. [Неустроев, 1874: 72]), 2) близкую к «саморекламе» жанровую форму «письма к издателю» 3) основанные на преданиях эмоциональные утверждения ученых о популярности того или иного журнала. Например: «Вся Россия с жадностию и удовольствием читала сей первый Русский ежемесячник <...>», – писал митрополит Евгений (Болховитинов) о *ЕС*, добавляя: – «<...> он ободрил и заохотил многих Русских писателей издавать свои ежемесячники и еженедельники, коих вдруг, с 1759 г., явилось множество; но ни один из них с Миллеровым не мог сравниться ни пользою, ни разнообразием любопытнейших статей».

Из немногих разрозненных фактов выстроить цельную картину коммерческого успеха или неуспеха журналов невозможно. Известно об этом немного, например, что тираж *ЕС* в 1757 г. не был распродан, и это послужило поводом для изменения их названия; что в первые годы существования журнала его продажи составляли 15% тиража [Берков, 1952: 86]; что к июню 1759 г. в продаже уже не было январских и февральских номеров *ПВ*.

Мы обнаружили пока только одно упоминание о чтении *ТП*, но уже после ее прекращения. В своем дневнике С.А. Порошин, воспитатель наследника престола Павла Петровича, под 3 августа 1765 г. записывает: «Перед кушаньем Его Превосходительство Никита Иванович читал из «Трудолюбивой Пчелы» г. Сумарокова сочинение о копистах, и очень много смеялся» [Порошин, 1881: 372]. К сожалению, мемуарист не разъясняет, над чем или кем смеялся граф Панин.

Другим свидетельством возможной популярности журнала Сумарокова, правда, после его смерти, является решение Академии Наук издать *ТП* вторым «тиснением» в 1780 году: «Для удовольствия охотников, требующих беспрестанно периодического сочинения под заглавием Трудолюбивая пчела, поелику находятся в оном переводы принадлежащих к Академии адъюнктов и студентов и (поелику) первым тиснением печатано оно было при Академии, напечатать оно 200 экз. на заморской да 1000 на здешней комментарной на академический счет в такой же формат и такими же литерами, как оно прежде печатано было <...>».

Подытожим. Родословная сумароковского журнала восходит непосредственно к *ЕС*, а также к европейской сатирико-моралистической журналистике, и является *ТП* «младшей сестрой» *ПВ*. Поскольку никакого «маркетинга» тогда не существовало, да и самих читателей, тем более готовых заплатить по 2–3 рубля за годовую подписку, было немного, вряд ли можно говорить о каком-то «несомненном успехе» этих трех журналов у публики. Ярче, чем в изданиях конкурентов, в *ТП* отразилась личность Сумарокова и его «страсти», в каком-то смысле это «собрание пестрых глав», наполненное «сердца горестными заметами», но отнюдь не «ума холодными наблюдениями».

4. Начало и конец «Трудолюбивой пчелы»: свобода и деньги vs. «польза народа русского»

Не существует однозначного ответа на вопрос, почему Сумароков начал издавать *ТП*, что именно подвигло его к этому. Расхожие объяснения вроде тех, что он решил воздействовать на нравственный облик дворян еще и этим способом, относятся к области концепций и не находят опоры в документах. Не приближает к ответу и объяснение самого Сумарокова: «Вознамерился я издавать помесечно журнал, для услуги народной <...>». Забота о пользе читателей, населяющих государство российское, является «общим местом» «предисловий» от редактора/издателя/переводчика в произведениях той эпохи.

Так, Третьяковский, издавая в 1730 г. «Езду в остров Любви», хотел бы, чтобы читатели смотрели на его труд «благоприятным оком», подчеркивая, что тем самым они, «без сумнения, имеют меня ободрить за другое полезнейшее дело взяться» [Третьяковский, 1834: 36].

Авторы «Краткого Описания Комментариев Академии Наук на 1726 год» в предисловии желали «благосклонному читателю» благополучия, а «сему великому и сильному Государству» – «славы, приращения и наук расширения» [Неустроев, 1874: 11].

В предисловии к первому номеру «Исторических, Генеалогических и Географических Примечаний в Ведомостях» (1729–1742) Миллер писал: «Благосклонный читателю. При сем подается тебе паки начатие некоторых новых трудов, которые токмо ради увеселения тебя, и ради твоей пользы восприяты. <...>» [Неустроев, 1874: 15].

Тот же Миллер в «Предуведомлении» к *ЕС* подчеркивал: «Пользу ученых журналов и подобных тому записок, издаваемых в почтовые дни, понедельно и помесечно, выхвалять, кажется, нет нужды. <...> Такое полезное дело ныне <...> к общему удовольствию учреждено паки. Члены Академии, ничего так не желая, как, чтоб Российскому государству и народу трудами своими приносить действительную пользу, и сколько возможно возбудить во всех удовольствие, какое производит знание Наук, всеми силами стараться будут заслужить себе похвалу у читателей» [Неустроев, 1874: 48].

В контексте сложившегося уже «этикета издателя и первого номера журнала» отсутствие у *ТТТ* предисловия и лаконичное «для услуги народной» в «прошении» выглядят совсем не *comme il faut*: как кажется, «благодарность» читателя Сумарокова совсем не интересовала. Заботился он, как все хорошо помнят, только о своем «слоге». А это уже сфера фрейдистских спекуляций.

Выскажем предположение, что к изданию журнала Сумарокова подтолкнули прежде всего внешние обстоятельства. Не утопический замысел сделать читателя скромным, трудолюбивым и просвещенным, ибо зачем тогда столько сатирической желчи, например? Ближайшим образом это было желание поправить свои денежные дела и не зависеть в своем писательстве от благорасположения академиков [Булич, 1854: 179]. Ну и конечно, поквитаться с врагами, как он уже делал это в комедиях. Поквитаться, разумеется, на словах, ибо реальные столкновения Сумарокова с сильными мира сего неизменно заканчивались его фиаско и жалобами, адресованными императрицам и их фаворитам (таковы известные конфликты писателя с И.Г. Чернышевым, К.Е. Сиверсом, П.С. Салтыковым).

И все эти цели, ближайшие и отдаленные, им не были достигнуты, что и послужило причиной прекращения *ТТТ*.

Главным источником сведений об этом периоде жизни Сумарокова являются его письма. Из них следует, что долги его перед ростовщиками и перед «подьячими» из Академической канцелярии возросли. Перед И.И. Шуваловым приходилось оправдываться в тратах на театр и актеров.

Свобода от Миллера и других академиков оказалась мнимой. Зависимость от цензоров раздражала. Разбирательство с Ломоносовым из-за «Од вздорных» дошло до Президента Академии наук графа К.Г. Разумовского.

В специальном листке под заглавием «Для известия», напечатанном в декабре 1759 г. в типографии Сухопутного кадетского корпуса, сам Сумароков, взывая к «согражданам» и «суду общества», указывает именно на «неисчисленные мне по Академии препятствия и несносные озлобления» как главные причины прекращения журнал.

Все это усугублялось, а где-то и провоцировалось сложным характером Сумарокова. Его переписка с Академической канцелярией по поводу «ученых пьяниц» цензоров трагикомична. «Раставание (sic!) с Музами» – его «хлопанье дверью» в *ТТТ* – инфантильно и написано, как он сам замечает, «во время пушаго жара». Дореволюционные исследователи были склонны даже полностью ставить направление и поэтику журнала в зависимость от личности Сумарокова. Вот как писал об этом Н.Н. Булич: «Личность Сумарокова выказывается во всех статьях его, имеющих характер журнальный, и кладет на них печать яркой особенности. Самолюбие его является на каждом шагу и то, что более занимало его, примешивается ко всему прочему. Заговорит ли он вообще о морали, а сведет на подьячих, начнет говорить о подьячих, а кончит театром; от литературы перейдет к Академии, от нее к театру, от театра к нападениям на иностранное влияние. Словом Сумароков не останавливался ни на чем долго и всюду метался. От того трудно определить характер каждой статьи его: в этой деятельности его так много разнообразия и вместе с тем животрепещущей истины. <...>» [Булич, 1854: 184].

Вообще, мы полагаем, что как минимум переложения псалмов, молитвы и нравоучительные стихи в *ТП* Сумароков адресовал прежде всего самому себе, пытаясь не забыть, что нужно быть добродетельным и побеждать собственную «несовершенную» природу (см., например, «Оду» («Все в пустом лишь только свете...»)).

Далее, отношения издателя с соавторами продолжали оставаться неясными для обеих сторон, и, как кажется, ими так и не была выработана четкая программа издания. Не в смысле наполнения журнала материалом, а в смысле его единства на «метатекстовом» уровне (если говорить современным научным языком), организации его как особой «литературной формы» (Л.А. Трахтенберг), «цельной единицы литературного процесса» (В.С. Киселев), продвижения каких-то ключевых идей, а не мелочных нападок на «подьячих» и неверных жён. (Ср. также высказывание Н.Н. Булича, приведенное выше.)

Собственно, это проблема не одного только Сумарокова, но всех редакторов русских периодических изданий XVIII века. Решали они ее по-разному, и опыт *ТП* учитывался как минимум издателями журналов сатирических. В данной статье не место подробно рассматривать редакторскую стратегию Сумарокова, но, опираясь на современное диссертационное исследование сатирического журнала как «литературной формы», можно предположить, что он интуитивно нащупал многие, если не все, способы и приемы репрезентации журнала «как феномена комплексной природы, совмещающего черты периодического издания и единого литературного текста» [Трахтенберг, 2016: 27]. Однако отсутствие опыта, привходящие обстоятельства, личностные качества и психическая организация Сумарокова – всё это не позволило ему развить и логически завершить начатое.

5. «Трудолюбивая Пчела» как предтеча альманаха

С позиции современного профессионального читателя, знающего о жизни и творчестве Сумарокова как о свершившейся уже истории, бросаются в глаза постоянное смешение им жизни и литературы, несовпадение авторских деклараций и реального жизненного поведения. Он может не любить немцев – и переводит с немецкого; может нападать на порчу русского языка, отказываясь от *супа* и желая *похлебки*, и пишет при этом письма по-французски, гордясь наименованиями «русский Расин», или «Вольтер», или «Лафонтен».

Отчасти это связано, как показал В.М. Живов, с непрямолинейностью в России XVIII в. социального статуса литературы и писателя и с попытками Сумарокова эту ситуацию изменить либо даже сформировать [Живов, 2002: 100]. Но только отчасти.

Общая направленность журнала *ТП*, несомненно, моралистическая. Читать эту «домашнюю философию», как назвал соответствующие статьи Н.Н. Булич [Булич, 1854: 187], охотников сейчас найдется немного. Значение живого художественного слова сохранили, на наш вкус, лишь лирические произведения, прежде всего элегии, песни и «разные стихотворения», а также отдельные остроумные наблюдения Сумарокова.

Соприсутствие в журнале двух главных модусов – публицистического и лирического – ощутимо конфликтно. Они перемешаны, кроме того, с произведениями сатирическими и литературно-критическим. Всё это придает *ТП* характер *альманаха* – литературной формы, обретшей популярность в русском читающем обществе в 1780–1790-е гг. Росписи содержания этих многочисленных сборников, приведенные Н.П. Смирновым-Сокольским, зачастую мало чем отличаются от содержания *ТП* [Смирнов-Сокольский, 1965: 37].

Обратим внимание в этой связи на курьезный альманах, являющийся первым провинциальным изданием такого типа. Мало того, что издан он неким Никитою *Сумароковым*, его название – «Цвет пчелам, мед женам, а сор дуракам» – является репликой названия и тематики *ТП*, а содержание – утрированным отражением содержания

журнала 1759 г. Имеется к нему и эпитафия, запечатлевший новое понимание отношений между автором и читателем: «Девиза жениха, товар найдет купца, / А книга в обществе найдет себе чтеца» [Смирнов-Сокольский, 1965: 50]. Безусловно, перед нами один из «детей» *ТП*, возможно, и «незаконный», как когда-то предсказывала «Всякая Всячина».

Мы не знаем, ощущал ли сам Сумароков эклектичность своего журнала и стояла ли перед ним проблема разграничения серьезного («полезного») и легкого («приятного») чтения, которую составители и переводчики альманахов конца XVIII в. разрешили победой второго. Однако сейчас отнюдь не всегда можно понять, где в *ТП* чтение легкое, а где – серьезное. Например, ревнитель чтения полезного, Сумароков нападает на романы, однако что такое «Метаморфозы» Овидия, четыре (!) мифа из которых опубликованы в *ТП*, как не предтеча романа или «восточная повесть», особенно в прозаическом переводе? Да, назидательность в «басни о Фазтонтее» доминирует, но уже «баснь о Пираме и Фисве», хотя и содержит дорогой для Сумарокова-драматурга трагедийный сюжет, непонятно чему учит. «Возрождение, барокко, классицизм любили Овидия как развлекателя, – пишет М.Л. Гаспаров, – их он тешил неистощимым запасом галантных любовных историй на эффектном фоне блистательного века героев и богов» [Гаспаров, 1997: 165].

Мы хотим сказать, что не только *ТП*, но и ее конкуренты в «лице» *ЕС* и *ПВ* объединяли в себе, в синкретичной пока еще форме, две редакторские стратегии – серьезного, полезного, научного чтения и чтения легкого, развлекательного, без претензий на учительство и пользу. Стратегии, которые разойдутся в разные стороны уже к концу XVIII столетия.

6. Журнал одного автора: проект без перспектив

В цитировавшей уже «Кембриджской истории русской литературы» читаем: «Sumarokov was not only the editor and almost the sole author of the first Russian literary journal, *The Industrious Bee* <...>» [Moser: 68]. Миф об *almost the sole author* недавно был развеян в исследовании Юй Хуэйцзюнь. По ее подсчетам, Сумарокову принадлежит 47% материалов *ТП*, что соответствует 343 страницам из 767 [Хуэйцзюнь, 2012: 22]. Помимо Сумарокова, в *ТП* принимали участие 18 авторов – «целый отряд литераторов», как выразился Г.А. Гуковский [Гуковский, 1941: 381], и это даже больше, чем в *ПВ*, и сопоставимо с *ЕС*. Согласимся с современными исследователями в том, что *ТП* – это все-таки «коллективное периодическое издание» [Сложеникина, 2014: 137].

Итак, пропорция 1:18. Достаточно ли этого, чтобы быть «почти единственным автором»? Однозначно нет. И для того, чтобы единолично определять редакторскую политику и идейное направление журнала, пожалуй, тоже нет. Известно, с каким уважением Сумароков относился к главному своему сотруднику Г.В. Козицкому (см. многочисленные письма к нему), а также к Н.Н. Мотонису [Булич, 1854: 64]. Вообще же, нам ничего не известно о тех условиях, на которых 18 соавторов принимали участие в *ТП*. Полагаем, что отношения строились на личных и корпоративных связях Сумарокова с другими выпускниками кадетского корпуса и с академическими переводчиками и были безвозмездными. Гипотетически можно предположить, что, поскольку все расходы по изданию *ТП* Сумароков нес один, он мог просить своих друзей о каких-то конкретных, ситуативно нужных ему переводах.

Статистика и распределение материалов, написанных Сумароковым и другими авторами *ТП* [Хуэйцзюнь, 2012: 12], могут быть интерпретированы так: никакой очевидной логики и стратегии здесь не просматривается. Стопроцентное присутствие Сумарокова в майском номере, о чем исследователи никогда не забывают упомянуть, но чего никогда не объясняют, можно расценить как минимум двояко. С одной стороны, это мог быть диктат Сумарокова, решившего наконец стать единственным автором своего детища. С другой – это больше похоже на форс-мажор, когда номер срочно пришлось

заполнять самому, т. к. другие авторы по каким-то причинам материала не предоставили. Ведь именно так дела часто обстояли у Миллера [Пекарский, 867: 10], и не случайно, наверно, Сумароков вспомнил о Боге летом. В последующих двух номерах (июньском и июльском) присутствие главного автора соответственно 35% (21 страница) и 38% (23 страницы). Почему так мало? Ответ может быть только один: невозможно одному человеку из месяца в месяц трудиться как *industrious bee*.

История показывает, что журналы, издаваемые одним автором, редко когда удерживались более одного-двух годов: журналы 1769–1774 гг., «Почта духов», «Московский журнал»... Сама форма «журнала одного автора» плохо приживается в соответствующем коммуникативном пространстве, требующем различия авторских позиций, наличия литературных групп или кружков [Киселев, 2004: 81]. Зато у всех таких журналов был свой «колорит» – то, что они унаследовали от *ТП*.

Заключение

Мы рассмотрели несколько научных мифов, сложившихся вокруг журнала А.П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела». Очевидно, что их содержание и направленность напрямую зависят от степени ангажированности исследователей, от доступного им научного инструментария и степени кругозора. Достаточно допустить небольшие анахронизмы, умолчать об одних фактах и продемонстрировать другие, подчиниться логике существования национального литературного канона – и миф обретет облик концепции, освященной авторитетными именами и частотой ее (ре)трансляции. Сама бурная и разносторонняя деятельность одного из отцов-основателей русского классицизма и русского журнализма даёт богатый материал для дальнейшего научного и культурного мифотворчества. Хотелось бы, чтобы факты, какими являются не только слова писателя, но и его дела, всегда оставались «чистым нордом» для исследовательского курса.

Список литературы

1. Абрамзон Т.Е. 2015. Александр Сумароков. История страстей: монография. М. ОГИ, 304.
2. Абрамзон Т.Е. 2006. Поэтические мифологии XVIII века (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин): монография. Магнитогорск. Изд-во МаГУ. 479.
3. Бендерский В.В., Хмылев В.Л. 2006. История отечественных средств массовой информации: учеб. пособие. Томск. Изд-во ТПУ. 150.
4. Берков П.Н. 1952. История русской журналистики XVIII века. М.; Л. Изд-во АН СССР. 572.
5. Булич Н.Н. 1854. Сумароков и современная ему критика. Сочинение Н. Булича, представленное в Императорский С. Петербургский Университет на степень Доктора Славяно-Русской Филологии. СПб. Тип. Эдуарда Праца.
6. Гаспаров М.Л. 1997. Избранные труды. Т. I. О поэтах. М. Языки русской литературы. 664.
7. Готовцева А.Г. 2005. Журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» в российском историко-культурном контексте середины XVIII века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М. 28.
8. Гуковский Г.А. 1941. Сумароков и его литературно-общественное окружение. В кн.: История русской литературы. М.; Л. Изд-во АН СССР, 349-420.
9. Гуськов Н.А. 2013. История русской литературы XVIII века: учебная книга. СПб. 680.
10. Есин Б.И. 2006. История русской журналистики (1703–1917): учебно-методический комплект (учеб. пособие; хрестоматия; темы курсовых работ). М. Флинта: Наука. 464.
11. Живов В. М. 2002. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М. Языки славянской культуры. 637.
12. Западов А. В. 1963. История русской журналистики XVIII–XIX веков. М. Высшая школа. 516.
13. Киселев В.С. 2004. Статьи по теории и истории метатекста (на материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века). Томск. ТГУ, 2004. 122.

14. Неустроев А.Н. 1874. Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных, А.Н. Неустроевым. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза». 950.
15. Новиков Н.И. 1772. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб. 263.
16. Пекарский П. 1867. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов. СПб. 88.
17. Песков А.М. 2005. Павел I. М. Молодая гвардия. 422.
18. Петров А.В. 2007. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и «Пантеон российских авторов» Н.М. Карамзина. Русская литература, 3: 61–76.
19. Полевой П.Н. 1903. История русской словесности с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Т. 1. СПб. Изд-е А.Ф. Маркса. 652.
20. Порошин С.А. 1881. Семена Порошина Записки, служащая к истории Его Императорского Высочества благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича. СПб. Тип. В.С. Балашева, 1881. 634.
21. Скабичевский А.М. 1892. Очерки истории русской цензуры (1700–1863 г.). СПб. Тип. Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза». 496 с.
22. Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В. 2011. Коммуникативная стратегия журнального метатекста «Трудолюбивой Пчелы» А.П. Сумарокова (на примере декабрьского номера). Язык. Словесность. Культура, 2. 132–148.
23. Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В. 2012. Начало и конец Трудолюбивой Пчелы: утопический проект А. П. Сумарокова // XVIII век: Литература в эпоху идиллий и бурь. М. Экон-Информ. 331–338.
24. Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В. 2014. Январская книжка журнала «Трудолюбивая Пчела»: катарсис истинного Просвещения. Язык. Словесность. Культура, 3. 135–169.
25. Смирнов-Сокольский Н.П. 1965. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М. Книга. 593.
26. Стоюнин В.Я. 1865. Александр Петрович Сумароков. Сочинение Владимира Стоюнина. СПб. Типография Я. Ионсона. 172.
27. Трахтенберг Л.А. 2016. Русские сатирические журналы XVIII века: вопросы поэтики: дисс. ... докт. филол. наук. М. 515.
28. Третьяковский В.К. 1834. Езда в остров Любви. Переведена с Французского на Руской. Студента Василья Третьяковского и приписана Его сиятельству князю Александру Борисовичу Куракину. М. Тип. Августа Семена, Императорской Медико-хирургической Академии. 237.
29. Шамрай Д.Д. 1935. Об издателях первого частного русского журнала. (По материалам архива кадетского корпуса). XVIII век. Сборник статей и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 377–386.
30. Шамрай Д.Д., Берков П.Н. 1962. К цензурной истории «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумарокова. XVIII век, 5. М., Л. Изд-во АН СССР. 399–406.
31. Хуэйцзюнь Ю. 2012. А. П. Сумароков – автор «Трудолюбивой пчелы»: устоявшаяся точка зрения и беспристрастная статистика. Язык. Словесность. Культура, 1. 101–113.
32. Moser Charles A. The Cambridge history of Russian literature. Cambridge University Press. 652 (in English).